

Древнее общественное устройство у латышей в отражении народных песен¹

Известно, что слово *bāliņš* одно из самых характерных и одновременно самых загадочных слов в латышских дайнах. Усилия языковедов установить основное значение этого слова пока что не привели к окончательному и всеми признанному результату. Здесь следует обратить внимание на то, что существует определенная связь между *bālināt* и *balināt*, а также связь со светом (*saule vairs nebalinās mūsu miežu laukus* — солнце больше не высвечивает наши ячменные поля) и цветом: *es to savu bāleliņu kāgulbiti balināju* — я своего балелиня будто лебедя отбеливаю, а также с блистанием: *zobentiņu balināt* — мечом сверкать. Интересно здесь указание на связь с днем Яниса (Янов день): «Холсты только до дня Яниса белят» и «В ночь Яниса золотая роса, тогда овцы белеют». Но слова *bālināt* и *balināt* хотя бы различаются долгим и кратким «а». Интересно и то, что проф. Я. Эндзелин связывает латышское *bala* (= *balanda*) с литовским: *bālas, balts*, где в одном случае короткое, во втором долгое «а». Русский народный поэтический язык так же выделяет свет (в значении «мир») как «белый свет».

Слово *bālis* (уменьшительные формы: *bāliņš, bāleliņš, bāleņiņš, bāluliņš, bālītis, bālelītis, bālelis*) обозначает не только собственно «брата», но и неких молодых людей мужского пола, к тому же независимо от родства: «Все девицы в округе зовут меня балелинем» или еще яснее: «Молодые парни, балелини, больше меня не хулят».

Следовательно, слово «балелинь» имело территориальное и вообще социальное значение: молодые люди, парни, юноши (*juniores*). Уже это побуждает нас глубже вникнуть в данное слово, не ограничиваясь только этимологическим анализом, но рассмотреть и древнее общественное устройство латышей, насколько оно отражено в народных песнях. Это необходимо сделать тем более потому, что, например, греческое знает фратрии (= братства), между прочим, как политическое отделение со своими членами фратерами. И латышское слово *brālis* (деминутивы: *brālītis, brālēns, brāleņiņš, brāliņš, brāluliņš, brāļucis*) может быть в основе своей обозначением определенной организации, братства (возможно, подобного фратрии), причем корень здесь *b(h)grā*. И казацкие братства означают общественные образования, причем наименование «брат» у казаков означает не только родство.

При всяком анализе необходимы свои критерии и вообще своя методология. Здесь мы используем в качестве критерия не только различие между двумя значениями «балиня» (настоящий братии член социально-политического братства), но и прибегнем к юридически-социальному методу рассмотрения общественного устройства древних латышей в той мере, в какой это отражено в народных песнях.

Итак, «балинь» главным образом характеризует семейную форму, которая возникает, когда «балинь» умыкает девицу из чужого общества, почему он и выглядит чуженином по отношению к невесте. Данный образ, умыкание невесты из чужого общества, указывает, что балинь был прежде всего вооруженный человек. И действительно, многие песни изображают его с мечом, отправляющимся на войну. Так что в данном случае «балинь» — воин.

Но воины бывают двух видов: одни профессиональные, другие непрофессиональные, те, что берутся за оружие только в случае необходимости, чтобы защищать свою землю, свое общество. Воин последнего вида, по сути дела, земледел, пахарь, тогда как первый — горожанин, то есть член городской или замковой общины, того, что у греков называлось *polis*, у римлян — *urbs*, у германцев — *Mannschaft*, у русских дружина. Члены такого образования считали себя братьями (братьями по оружию), например казацкая община (или братья-фратеры греческой фратрии).

Но тем не менее термины «балелинь» и «бралелинь» противопоставляются «народу» с «сынами народа» и «дочерьми народа». Поэтому следует рассмотреть понятие «народ» — *tauta*. Народ был земледельческим, сельским обществом, жившим за укреплениями, стенами городища, уже поставленного младшими братьями, где жили в качестве мужей совета и старшие братья (неженатые); последние охраняли городище, когда не было младших братьев. Римские квириды были меченосцами, так же и «балини», если судить по народным песням, сражались мечами. Далее, народ, как и *populus* состоял из простого люда (в Риме — плебеи). То есть предок представителя народа как члена сельского сообщества — «балинь», который некогда был членом городского сообщества. В таком широком смысле и он «балинь», хотя обычно зовется *tautietis*, сын народа. Стало быть, сельское сообщество «балиней» является потомками «балиней» по названию *tauta* так же, как сельское сообщество потомков квиридов называлось *populus quiritum*.

Но на земле «балиней» (на их территории) жили и те, кто не мог назвать своим отцом-предком какого-нибудь «балиня». Это были члены покоренного соседнего сообщества. Они были не «балини» в широком смысле слова, не народ (*tauta*), а малый черный люд (земледелы, римские плебеи). Как земледелы они назывались пахарями и жили к тому же на чужой земле. В лучшем случае они получали небольшое селение в качестве надела, который передавался по подобию земли «балиня», только «балини» получали лучшую, ближайшую к городищу землю в наследственное владение (в Риме: *heredium*).

Но земля не «балиня» не являлась господской усадьбой, это был лишь временный надел (в Риме: assignatio viritana).

Позднее в Риме плебеев зачислили в сословие граждан-квиритов, civis, от которых пошло Civitas Romana, куда входили как члены общества квиритов (потомки их), так и плебеи.

Похоже, что у латышей имел место тот же прием чужаков в гражданство, насколько можно судить по песням, где порою место «балиня» занимает «арайс» (пахарь). Но это предположение требует еще детального исследования.

Можно полагать, что балелинями назывались главным образом потомки «балиня» (tauta, populus); они не являлись «балелинями» в истинном значении слова (профессиональными воинами); вместе с «масинями» — «дочерьми народа» они образовывали tauta (народ).

«Таутиеши» не были профессиональными воинами, как «балини». Разумеется, они могли заполучить себе невесту, умыкнув ее в соседнем сообществе, но могли и купить.

Поскольку сообщество «таута» — братья и сестры — были потомками разных родителей («балиней»), то не следует истолковывать некоторые народные песни в том смысле, что родной брат женится на родной сестре. Термин «бралис» и «маса» здесь обозначают сыновей и дочерей того образования, которое обозначилось словом «таута» (народ).

Общество старших и младших братьев было обществом господ: «Младший брат, как князь». А «балини» в прямом значении слова были господами. «Не дай бог таких господ, как мои балелини. Этих «балиней» именуют «белыми»: «Гляньте, люди, что творят мои белые балелини». Возможно, что понятие господина связано со сходными по римскому праву понятиями патрона и клиента, но этому вопросу следовало бы уделить особое исследование.

В каждом обществе воинов существует свой культ, и в этом отношении оно, так же как и общество римских квиритов, одновременно является обществом сакрального культа. У латышей важную роль играл культ Яниса. Прославление Яниса и празднование в его честь было связано с началом нового года после летнего солнцеворота, когда старый год кончался в ночь на 24 июня. После летнего солнцеворота Солнце как бы засыпает (дни становятся короче, особенно осенью): «Спи, спи, Янисова мать, с твоими делами управилась». Как богиня земледелия, Солнце еще и хозяйка: «Спи, спи, хозяйка, с твоими делами управилась» (1 вариант и далее). Хозяйка сельского общества, а хозяином скотоводов-воинов является Месяц, чьи ночи после солнцеворота начинают увеличиваться. На ночь 24 июня приходится и рождение отца Яниса. Поэтому следует различать двойственный характер проявления культа Солнца и Месяца. Для Солнца-матери² дети Яниса бедствие (особенно осенью), оно зовет на помощь своих детей:

**Вчера наша Матерь Яниса /
Призывала детей Яниса,
А когда явились дети Яниса, /
Сама убежала в запечек.**

После зимнего солнцеворота (24 декабря) Солнце рождает снова (зимний Янис). Как известно, римляне различали двух Янусов — летнего и зимнего. А слово Janus упот-

ребляли и в значении «ворота». О воротах говорится и в латышских песнях:

**Я прошу тебя, Матерь Яниса, /
Отопри мне медные ворота.
Но прежде чем она отопрет, ей
приходится пережить зимние дни:
Жди, жди, матушка, / Явятся твои
Янисовы дети.**

Во время летнего и зимнего солнцестояния Солнце на глаз не движется по эклиптике: не спускается со своего небесного дерева. А стало быть, по древним верованиям, следовало помочь Солнцу в движении, раскачивать небесное дерево, заставить его колыхаться — līgot:

**Идемте, дети ...
Посередине липа колыхнется.**

И еще яснее:

**Качайтесь, качайтесь, / Недалек уж
Янисов день:
Сегодняшний денек, завтрашний, /
А уж послезавтра и день Яниса.
Колыхайтесь же, люди, /
Скоро день Яниса.**

Отсюда ясно, что у «колыхания» — магический песенный смысл. С хозяйственной точки зрения сила Солнца уменьшается, поэтому надо использовать тепло летнего Солнца или возвращение солнечного тепла зимой, чтобы «раскачать», «растормошить» Яниса:

**Кто же Яниса раскачает?
Все наши сельские люди:
Первыми пастухи, потом пахари.
А уж после всех молодые девицы.**

С точки зрения детей Яниса надо подтолкнуть мерное движение Солнца во время летнего солнцестояния, чтобы оно наконец стронулось, родился Янис и начался бы новый год. С точки Матери Яниса то же надлежит делать во время зимнего солнцестояния. И наоборот, детям Матери Яниса важно во время летнего солнцестояния удержать Солнце от движения, притянуть его, связать («līga», несчастье, немощь, латинск. līgare — связывать, вредить). Все это приводит к мысли, что всегда надо учитывать и культовую основу социальной структуры, особенно братств военного характера. Дети отца Яниса принимались в его праздник (летом), дети и матери Яниса — в зимний праздник. Первыми были «балелини», «бралелини», вторыми — дети липы, первые — сыновья бога, вторые дети человека — люди, разумеется, с точки зрения военно-сакрального общества «балиней». В конце концов, мы устанавливаем: а) общество «балиней» (квиритов, замковое или городское); б) общество «братьев» и «сестер», или «народа», которые являются потомками «балиней» (populus); в) общество

«людей» (сельского люда), или плебеев, которое относится к сельскому или городскому обществу (простые землепашцы или ремесленники со своим культом Солнца). В основе всех обществ трехслойного устройства находилась военно-сакральная организация, и думается, что и древние латыши в ходе своей истории пережили эту стадию.

Это общество характеризует тотемизм, который надо понимать в широком смысле слова. Можно думать, что начала раннего феодализма коренятся в тотемическом обществе. Различие в том, что тотемическими обществами были сходные объединения, которые связывало в единство какое-то божество — небесный отец, тогда как феодальное общество — единство господина (*dominus*) и его дружинников, которые дают клятву служить сениору как его вассалы. По отношению к господину они стоят рангом ниже. В своих трудах по феодализму в Латвии А. Швабе не только собрал все источники, но и дал первую попытку пространно осветить эту темную в истории Латвии эпоху. Во всяком случае, если можем установить известную связь между тотемизмом и ранним феодализмом, то народные песни — наглядные признаки тотемизма, как это доказывает Швабе в своих трудах, которые мы использовали в данном очерке. В этом отношении песни о детях Яниса (*Jānis*, римск. *Janus*) как военно-культовом обществе «балиней» (братстве) содержит глубокий смысл. Но в народных песнях есть весьма показательная деталь, касающаяся того, как называют членов «народа»: сыновей и дочерей народа (*tautu dēls* и *tautu meita*). При пристальном взгляде в эту терминологию становится заметно, что здесь акцентируется слово «народ» (*tauta*), очевидно, чтобы противопоставить этих людей другой организации. Если учесть существование городского общества «балиней», то это терминология становится более понятной, и особенно, если противопоставить «детей народа» «людям», то есть тем, кто по рождению не принадлежит к обществу «*tauta*». Кроме того, в дайнах есть еще термин «сыны бога». По нашему мнению, этот термин указывает на очень древние культовые институты. Прежде всего, как уже говорилось, «балини» как братство, община связаны с культом и клятвой обожаемому начальнику этого культа, которого считают отцом «балиней». Вступая в это общество, каждый, кто знает отца, должен был отказаться от своего родства, чтобы всецело стать членом общества. Настоящего отца здесь заменял небесный, культовый отец, так что в таком значении «балинь» уже становился сыном бога. Кроме того, в древности люди знали особые собрания для совместного физического сожительства в честь братства. Все рожденные после этого становились достоянием бога — его потомками. На этих особых вакханалиях облачались в шкуры и надевали маски своего бога, представляемого как особое созвездие зодиака. Облачались как мужчины, так и женщины. Поскольку отец при этом был неизвестен, дети, родившиеся от этих соитий, носили имя своего бога, а в силу этого еще больше утверждались как дети богов. Будучи одного возраста, позднее они создавали свои братства, группирования и в честь своего бога-отца основывали лагеря на какой-нибудь своей территории или же колонии где-то на чужбине. В силу этого

становится понятно, почему девицы считали для себя святой обязанностью участвовать в вакханалиях, например в чествовании Яниса, потому что они отдавали своих первенцев Янису. Косвенное указание на это можно обнаружить и в Библии, где первородных вверяли Богу, приносили в жертву или заменяли жертвенными животными, оставляя самих детей при храме служителями или воинами, охраняющими храм. Что же тогда может означать слово *tauta*? Этот вопрос можно решать и при помощи алфавитного метода, о котором мы уже упоминали. Буква *t* в древнем алфавите была последней буквой, которую евреи произносили как «тав» или «тау». Изображалась она как прямой или изломанный крест, который символизировал деление неба (эклиптики) на четыре части в соответствии с четырьмя временами года. Это деление было знакомо и римлянам, которые устраивали не только укрепления (колонии), но и все территориальное деление, исходя из четырех частей. Так как территориально сельское общество является главным образом земледельческим, то деление земель и жителей на четыре части связано с солнечным календарем. Все это доказывает, что крестообразное — это деление на основе «тау» или «тав».

«Тау» вообще означает знак, — в русском языке «тавро», — которым метились вещи. Вспомним, что древние практиковали татуировку с этой же целью — отличать одних людей от других. «Татуировка» происходит от полинезийского «татау». Обыкновенно обозначать себя известно, так или иначе, в большей или меньшей мере почти всему древнему миру. Само слово «татау» является всего лишь метатезой «таута». Такая перестановка гласных зависела от порядка следования буквы или обычного чередования месяцев. Так выясняется, что слово «таута» означало и знак на теле, одежде, оружии и т.п., чтобы отличать человека, то есть своего от чужого. Так становится понятно, что «таутиетис» в латышской народной песне означал именно человека, принадлежащего к своим и потому носящего соответствующий знак (тауту).

Таким образом «тауту дэлс» означало члена общества, отмеченного определенным знаком. Для татуировки главным образом использовались изображения зодиакальных животных, что указывало и на принадлежность к культу, главное празднество которого было связано с групповым звездным месяцем — днем Яниса. Вывод этот объясняет культовую организацию людей, обозначенных как «таутас», и в связи с этим появляется возможность не только более глубоко понять организацию «таутас», но и утвердить верный взгляд на возникновение дайн из культовых песен, сопровождавших церемониальные танцы. Разумеется, не все латышские народные песни (в собрании Кр. Барона и др.) культовые, но основное ядро их культовое, и потому в дайнах открывается заманчивый источник, помогающий исследовать не только латышскую культуру, но и общечеловеческую культуру, которую в древности объединял научный язык старого культа — алфавитный порядок, на котором строились разные языки. Поскольку «тау» или удвоенное «таута» означает знак и именно знак креста, то, очевидно,

знаком тех, кого звали «тауту дэлс» и «тауту мейта», был крест, например свастика, которая характеризует древнюю латышскую культуру. Следовательно «таутиетис» был тот, кто носил названный знак, кого он характеризовал как члена своего общества, народа. Сыны и дочери «тауту» отмечали себя особым знаком, который отличал их от людей, не имевших знака «таута». Двойное употребление названия буквы объясняется, очевидно, тем, что отделяет вечернее и утреннее созвездия, ведь это отличие совершенно естественно для солнечного календаря. Я предвижу, разумеется, что моя попытка вызовет множество возражений. Несомненно, главное из них основывается на разных сообщениях о характере дайн. Широко распространен взгляд, что народные песни выражают богатую народную фантазию, которая преображала в поэтические образы мысли и представления.

Попытки исследователей объяснять фольклор с точки зрения персонификации сил природы, Солнца и Месяца, вообще неудачны. Но это потому, что за этими чувственно воспринимаемыми понятиями они не усматривали древнего теократического знания, которое руководило и организовывало жизнь народа через своих ученых жрецов. С помощью культа они внедряли в народе свои познания законов природы, чтобы благодаря этому не только воспитывать народ, но и посредством устной традиции сохранять положения древнего культового знания. Тот, кто с этой точки зрения внимательно, пусть и не в полной мере, изучал фольклор, должен признать, что здесь многое, особенно в мотивах, связано порою с совершенно непонятными терминами, которые имели же какой-то глубокий смысл в древнем знании. Констатируя такое сходство, трудно вообще объяснять его случайным совпадением разных проявлений народной фантазии. Трудно и постоянно предполагать простое заимствование, хотя бы оно в какой-то мере и имело место. Но культовый алфавит, на котором основывались языки многих древних народов, как общий культовый источник неизбежно выявляет эту общность. Прежде всего существовавшее иероглифическое письмо, являвшееся в сущности письмом с помощью рисунков, дает богатый материал для фантастических и вообще мифологических сказаний, которые основываются на этих рисунках. Сказки

о рождении человека от коровы, собаки, лошади и т. д., о различных превращениях животных в человека и превращениях богов в животных (и наоборот), например превращение Зевса в быка и т.п., объясняются характером древнего иероглифического письма. К сожалению, наши предварительные исследования доказывают, что разные культы, связанные с разными календарями, весьма отличны, так что трудно в одном исследовании охватить данные древних знаний, опираясь на иероглифику и хронологию. Стало быть, различие в истолковании фольклорного источника дает основание для главного возражения и тем более потому, что трудно определить время возникновения отдельных дайн. Поэтому необходима особая методология, чтобы отличать чисто культовые песни от новых наслоений.

Но и в старые народные песни могут вкрадываться современные слова, например сахар, хотя из этого, тем не менее, нельзя заключать, что сама эта дайна возникла в новое время, потому что переложение дайны на язык нашего времени психологически вполне понятное явление. Второе возражение может быть вызвано оспариванием использования алфавита с его буквенными названиями. Третье возражение будет направлено именно против гипотез. Есть ученые, которые полагают наукой только факты — их выявление, выяснение и классификацию связей. Может возникнуть еще множество возражений специального характера. Но автор и сам признает, что отнюдь не все еще ясно. Новый путь исследований требует усилий многих ученых. Только в будущем, когда будет опубликован мой основной труд в данной области, возможно будет полнее судить о высказанных гипотезах и методологии, а особо о применении ее к древним правовым учениям как частично-му источнику нашего современного права со своими институтами и унаследованной терминологией.

В данном очерке я только старался показать новую возможность в исследовании латышских народных песен, предоставив будущему полное право судить о верности этого пути.

Перевел с латышского Ю. И. Абызов

¹ Данная статья была написана специально для научного сборника, выпущенного по случаю 50-летнего юбилея профессора Латвийского университета Арведа Швабе. См. более подробно: Sinaiskis V. Latviešu senā sabiedriskā iekārta tautas dziesmu spoguļi // Tautas vēsturei. Veltījums profesoram A. Švābem. Rīga, A. Gulbis, 1938. На русском языке была впервые опубликована в переводе Ю. И. Абызова в 1990 году в журнале «Наука и мы», № 9.

² Солнце-Saule — в латышском языке женского рода (прим. пер.)